

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Гражданско-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Правовое регулирование электронных договоров»

Студент

Д.Н. Ниматуллаева

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

С.В. Кузьмин

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2022

Аннотация

Тема бакалаврской работы – «правовое регулирование электронных договоров». Актуальность избранной для исследования темы обусловлена необходимостью понимания сущности электронного договора, определения его места и значения в системе договорного права.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с заключением, исполнением и прекращением электронных договоров в отечественном праве.

Предметом исследования являются нормы права, которые регулируют общественные отношения, составляющие объект исследования.

Целью настоящего исследования являются изучение доктринальных основ и правового регулирования электронных договоров.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить следующие задачи:

- определить понятие «электронный договор» и выделить его виды, особенности и место в системе права;
- рассмотреть особенности правового регулирования способов заключения и формы электронных договоров;
- проанализировать условия соблюдения письменной формы электронных договоров.

Методологическую основу исследования составила совокупность общенаучных и специальных методов познания. Использовались методы диалектики, логики и применяемые на их основе приемы восхождения.

Нормативную основу исследования составили Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон.

Структура исследования обусловлена поставленной целью и задачам и состоит из введения, основной части, заключения и списка использованных источников и литературы.

Объём выпускной квалификационной работы составляет 65 страницы.

Содержание

Введение.....	4
1. Общие положения об электронных договорах	8
1.1. Определение понятия «электронный договор» и его место в системе права	8
1.2. Виды электронных договоров	22
2 Правовое регулирование процесса заключения электронных договоров....	30
2.1. Правовое регулирование способов заключения и формы электронных договоров	30
2.2. Условия соблюдения письменной формы электронных договоров.....	40
Заключение	55
Список используемой литературы и используемых источников.....	59

Введение

«Цифровизация» как явление современной действительности является не только трендом (процессом, набирающим обороты), но и вызовом для государства и общества. Уже сейчас понятно, что в будущем преуспевать будет то общество, в которой цифровые технологии получили наибольшее развитие. Не является исключением и использование цифровых технологий в качестве средства, организующего упрощающего и ускоряющего взаимодействие участников гражданских правоотношений в рамках гражданского оборота.

В этой связи, одним из наиболее важных вызовов всему правовому сообществу государства (ученым, законодателям, правоприменителям) является необходимость формирования «адекватного» и отвечающего требованиям современности правового регулирования масштабных цифровых процессов, использования этого потенциала для взаимодействия участников гражданских правоотношений. Одним из актуальных направлений такого развития отечественного права является разработка теории (доктрины) и принятия на ее основе соответствующих законодательных изменений, которые позволят в полной мере использовать потенциал «цифровых» решений для договорного регулирования правоотношений между субъектами права. В рамках такой общей цели возникает и частная задача (требование к предполагаемому результату): достигнутое решение вопроса правового регулирования электронных договоров должно создавать условия для полноценного развития данной сферы (без сдерживания имеющегося потенциала и создания искусственных препятствий).

Еще одним условием, в которых должна решаться подобная задача – это ограниченное время, поскольку скорость развития цифровых технологий в настоящий момент заметно опережает качество правового регулирования

их применения. Иными словами, потребность в качественном и эффективном регулировании таких правоотношений назрела уже давно.

Отметим, что право и экономика взаимосвязаны между собой и взаимообуславливают друг друга. Не является исключением и вопрос о функционировании электронных договоров, который тесно связан с текущим трендом на «цифровизацию» отечественной экономики. Роль права в этом вопросе видится в разработке таких правил поведения, которые позволят развивать отечественную экономику именно в этом направлении. В противном случае, право будет играть роль фактора, сдерживающего развитие экономики.

До настоящего момента отсутствует не только законодательное, но и концептуальное определение термина «электронный договор», а решение этого вопроса, также взаимосвязано с проблемой понимания таких явлений, как «электронный документ» и «электронная копия документа» и прочие. В более широком аспекте нет четкого понимания того, является ли электронный договор отдельной формой договоров, наряду с устным, простым письменным и нотариально удостоверенным.

Таким образом, актуальность избранной для исследования темы обусловлена необходимостью понимания сущности электронного договора, определения его места и значения в системе договорного права в целом, а также поиска наиболее оптимального регулирования заключения, исполнения и прекращения электронных договоров как необходимого условия дальнейшего развития и трансформации нашего общества.

Степень научной разработанности темы исследования не достаточна. Это объясняется сравнительной «новизной» данной темы. При этом, в последние годы наблюдается значительное повышение внимания к проблеме электронных договоров среди ученых. Среди таких ученых можно отметить следующих: Д.А. Антрушина, В.С. Боровик, А.Б. Венгеров, Ю.А. Гатчин, М.М. Зенин, А.В. Кардонов, О.А. Красавчиков, Т.Ю. Кулик, Р.В. Новиков,

А.С. Осмоловская, И.М. Рассолов, А.В. Середа, Л.В. Соцуро, А.Н. Югансон, В.Ф. Янковая и др.

В работах перечисленных авторов ведутся дискуссии относительно места и роли электронных договоров в отечественном праве, дискуссии относительно определения их оптимального понятия, активно анализируются предлагаемые органами власти проекты законов направленных на регулирование данных правоотношений. Отдельным направлением научной дискуссии являются попытки определить правовую сущность смарт-договоров, их соотношение с электронными договорами. Данное обстоятельство, а именно малоизученность соответствующего явления, также, указывают на актуальность избранной темы.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с заключением, исполнением и прекращением электронных договоров в отечественном праве.

Предметом исследования являются нормы права, которые регулируют общественные отношения, составляющие объект исследования, существующая судебная практика применения и толкования таких норм, которая находит свое выражение в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, в информационных письмах и обзорах судебной практики высших судов РФ, а также в решениях судов нижестоящих инстанций. Кроме того, к предмету исследования в настоящей работе относятся и взгляды ученых относительно правового регулирования электронных договоров.

Целью настоящего исследования являются изучение доктринальных основ и правового регулирования электронных договоров.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить следующие задачи:

- определить понятие «электронный договор» и выделить его виды, особенности и место в системе права;
- рассмотреть особенности правового регулирования способов заключения и формы электронных договоров;

– проанализировать условия соблюдения письменной формы электронных договоров.

Методологическую основу исследования составила совокупность общенаучных и специальных методов познания. В частности, использовались методы диалектики, логики и применяемые на их основе приемы восхождения от абстрактного к конкретному, абстрагирование, идеализации, обобщения, формализации и моделирования. Кроме того, применены такие методы юридической науки, как методы формального анализа, сравнительно-правовой и историко-правовые методы.

Нормативную основу исследования составили Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 27.07.2006г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 06.04.2011г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», Федеральный закон от 05.04.2013г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и другие нормативно-правовые акты различной юридической силы.

Теоретическую основу исследования составили труды таких ученых, как Д.А. Антрушина, В.С. Боровик, А.Б. Венгерова, Ю.А. Гатчина, М.М. Зенина, А.В. Кардонова, У. Коровкина, О.А. Красавчикова, Т.Ю. Кулик, Р.В. Новикова, А.С. Осмоловской, И.М. Рассолова, А.В. Середа, Л.В. Соцуро, А.Н. Югансона, В.Ф. Янковой и др.

Структура исследования обусловлена поставленной целью и задачам и состоит из введения, основной части, заключения и списка использованных источников и литературы.

1. Общие положения об электронных договорах

1.1. Определение понятия «электронный договор» и его место в системе права

В основе любого правового регулирования определенной сферы общественных отношений лежит мировоззренческое, концептуальное представление законодателя о сущности и основных категориях таких общественных отношений. Это обстоятельство предполагает необходимость формирования доктринальных основ (теории) правового познания и регулирования соответствующих отношений, их основных категорий, что, в свою очередь, должно непосредственно способствовать законотворческой деятельности.

В первую очередь, обратимся к содержанию нормативно-правовых актов в данной сфере. Одним из первых отечественных нормативно-правовых актов в данной сфере является Федеральный закон от 27.07.2006г. № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [52] в положениях которого закреплено действующее по настоящий момент легальное определение термина «электронный документ». Так, согласно п.п.11.1. ч.1 ст.2 указанного ФЗ, электронный документ определен как «документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах» [52].

Правильным будет заимствование родовых признаков электронного документа из термина «документ», определенного в ГОСТ Р 7.0.8-2013 (далее - ГОСТ Р 7.0.8-2013).

Согласно данного источника, документ – это «зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать» [21]. В связи с этим, по мнению В.Ф. Янковой дефиниция электронного

документа может быть следующей: «документ, созданный в цифровой форме. Соответственно, так как в первую очередь электронный документ именно «документ», а не «информация», к нему возможно применять требования о соответствующих реквизитах» [65, с.16].

В связи с этим, в наиболее простом понимании электронный договор – это документ (вид договора), созданный в цифровой форме. Представляется, что такое понимание электронного договора в целом верное, поскольку рассматриваемый вид договора, в отличие от того, который существует на бумажном носителе, существует исключительно в цифровом виде. В бумажном виде могут существовать только его копии. Соответственно, принципиальным отличием электронного договора от иных, является именно его цифровой формат. Однако, данной характеристики не достаточно для того, чтобы дать полноценное определение электронного договора, поскольку в обозначенной цифровой форме могут существовать различные юридически значимые документы, например, заявления, обращения, ответы на них, письма и т.п. Все они существуют в цифровой форме, а следовательно, понятие электронного договора должно позволять не просто выделить его в сравнении с договором, существующим на бумажном носителе, но и отличить от иных юридически значимых документов, существующих в цифровом формате.

Законодательное несовершенство дефиниции «электронный документ» попытался устранить Верховный Суд РФ, который в п.1. Постановления Пленума ВС РФ от 26.12.2017г. № 57 [28], разделил понятие «документ в электронном виде» на два вида «электронный документ» и «электронный образ документа». Кроме того, такое деление электронных документов на два обозначенных вида было закреплено и нормативно в приказе Судебного Департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016г. № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [27].

Таким образом, электронный документ был разделен на собственно «электронный документ» и «электронный образ документа». Под первым понимается «документ, созданный в электронной форме, без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в соответствии с законодательством РФ» [28]. Под вторым понимается «переведенная в электронную форму с помощью средств сканирования копия документа, изготовленного на бумажном носителе, заверенная электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации» [28].

Отметим, что в целом, подход, примененный ВС РФ при разделении ранее существовавшего единого понятия «электронный документ», содержащего в себе противоречия, вполне успешен, поскольку содержания приведенных определений позволяет разграничить электронный документ как его первоисточник (основная форма создания и существования) и как цифровую копию документа, созданного изначально только на бумажном носителе. Полагаем, что такой подход к разделению двух обозначенных понятий вполне может использоваться и для характеристики электронного договора. В связи с чем, необходимо указать, что электронный договор, это, прежде всего, первоисточник соответствующего документа, форма в которой он создан [1, с.514].

Далее, обратим внимание на необходимость разграничения и понимания терминов «информация», «носитель информации» и «документ». Данные понятия разрабатывались еще советскими учеными и выработанный подход, как представляется, продолжает оставаться актуальным и в настоящий момент. В частности А.Б. Венгеров определял документ как «специфический носитель информации, имеющий специальные признаки и черты» [5, с.111]. Такие черты, как правило, заключались в наличии определенных реквизитов документов и специфики его содержания, способа изложения информации, которые определялись нормативно, либо вырабатывались в ходе неоднократной практики подготовки и составления

однородных документов. Документ приобретает юридическую силу и значение только в предусмотренных законом случаях, либо в зависимости от определенных жизненных обстоятельств (например, в качестве вещественного доказательства по уголовному делу, в качестве носителя почерка определенного лица при производстве судебной экспертизы и т.п.).

Рассматривая обозначенный подход применительно к проблематике электронного договора, отметим, что и электронный документ и электронный образ документа, также, должны соответствовать определенным требованиям для того, чтобы последние обретали юридически значимые свойства.

Отметим, что в настоящее время существует и применяется ГОСТ Р 7.0.8–2013, который интерпретирует и понятие «юридическая значимость». Согласно указанному документу, юридическая значимость представляет собой «свойство документа выступать в качестве подтверждения деловой деятельности либо событий личного характера» [21]. Кроме того, важной характеристикой документа выступает его юридическая сила (присуща не всем документам). Данное понятие, также, раскрывается в действующем ГОСТ: «свойство официального документа вызывать правовые последствия» [21]. Таким образом, свойство юридической силы, в соответствии с указанным подходом, может придаваться только официальному документу. Отметим, что стороны договора, создавая электронный договор, неизбежно преследует своей целью создать или изменить их взаимные права и обязанности, участвовать в гражданском обороте. В связи с чем, обе обозначенные характеристики (и юридическая значимость и юридическая сила) вполне характерны для формируемого нами понятия «электронный договор».

Если обратиться к значению термина «официальный документ», то последний в соответствии с вышеуказанным ГОСТом определен как «документ, созданный организацией, должностным лицом или гражданином, оформленный в установленном порядке» [21]. У. Коровкина, основываясь на

процитированных положениях ГОСТов, также, приходит к выводу о том, «чтобы электронный документ мог выступать в гражданских правоотношениях, и в целом правоотношениях, он должен обладать одновременно и юридической значимостью, и юридической силой» [15]. Д.А. Антрушина, также, соглашаясь с такими свойствами электронного документа, как юридическая сила и юридическая значимость, указывает на важность определения факторов, придающих электронному документу (по сути – любому документу) указанной юридической силы.

Далее, обратим внимание на значение электронной цифровой подписи для формирования электронного документа. По мнению Д.А. Антрушиной, «дефиниция электронной подписи сформулирована в ФЗ «Об электронной подписи», если упростить данное определение, то можно сказать, что электронная подпись - это определенная комбинация знаков или паролей, которая служит аналогом собственноручной подписи» [1, с.516]. В свою очередь, в соответствии с ФЗ «Об электронной подписи», выделяются несколько видов таких подписей. Первый - это простая электронная подпись (сокращенное название – ПЭП) и усиленная электронная подпись.

В свою очередь, усиленная электронная подпись делится на усиленную квалифицированную электронную подпись (КЭП) и усиленную неквалифицированную электронную подпись (КЭП). Такая идентификация обеспечивается посредством использования кодов, паролей и других средств. В своем большинстве ПЭП используется гражданами при участии последних в гражданском обороте. Наиболее показательными примерами этого являются использование учетной записи на сайте «Госуслуги» и банковских онлайн-платформ (распоряжение своими личными счетами, использование других банковских услуг и т.п.).

Примечательно отметить, что анализ положений ФЗ «Об электронной подписи» и другого отечественного законодательства, не позволило выделить закрытый перечень случаев, который ограничивает использование ПЭП. Кроме того, необходимо обратить внимание, что законодательство не

содержит механизма идентификации субъекта владельца ПЭП, отсылая, таким образом, к техническим регламентам в данной сфере. При этом, законодательство выдвигает такие требования, как обязанность сохранения конфиденциальности ключа ПЭП и заключения соглашения о допустимости использования ПЭП.

Далее, обратимся к характеристике неквалифицированной электронной подписи (сокращенное название НЭП), которая предусмотрена ч.3 ст.5 ФЗ «Об электронной подписи». Как показывает проведенный анализ законодательных положений, данный вид подписи носит более защищенный и «сложный» характер, поскольку при ее получении применено криптографическое преобразование. В связи с этим, такая подпись является более надежной. Использование НЭП позволяет корректировать документ, после его подписания, и, одновременно с этим, позволяет достоверно установить факт внесенных в документ изменений. Отмечается, что степень юридической силы такой НЭП вполне сопоставима с печатью. В силу законодательства, применение НЭП допускается в процессе документооборота между налогоплательщиком и налоговыми органами (абз.6 п.2 ст.11.2 Налогового Кодекса РФ [20]). Кроме того, использование такой подписи допускается в процессе участия юридического лица во внутреннем документообороте и с постоянными контрагентами, в случае наличия соответствующего соглашения между ними.

Далее, с учетом того, что рассматриваемое понятие, кроме составляющей «электронный» имеет еще и традиционную для отечественного гражданского права категорию «договор», обратимся к соответствующим положениям гражданско-правовой науки.

Согласно ч.1 ст.420 ГК РФ, «договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей» [59]. В целом, обозначенная легальная дефиниция гражданско-правового договора является устоявшейся как в отечественном законодательстве, так и в доктрине, поскольку вполне

соответствует представлениям таких классиков отечественной цивилистики как Г.Ф. Шершеневич, О.С. Йоффе [11, с.132], [63, с.35]. В других случаях, ученые при формировании собственного понимания договора, акцентируют внимание на том или ином признаке. В частности, О.А. Красавчиков, воспроизводя то же определение, дополнял его указанием на такой признак договора, как правомерность действий сторон [13, с.87].

Л.В. Соцуро определяет гражданско-правовой договор как «многоплановую и многоуровневую систему юридических обязательств, в которых выражается воля сторон, облеченная в предусмотренную законом форму, направленную на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей в общественно полезных целях» [48, с.41].

Полагаем, что в целом приведенная легальная дефиниция гражданско-правового договора должна быть использована для формирования определения «электронный договор». В обоснование данного предположения укажем на необходимость учитывать то, что электронный договор является разновидностью более широкой категории «гражданско-правовой договор», следовательно, его определение, также, должно содержать в себе элементы, определяющие его родовую принадлежность к данному понятию.

Е.В. Шестаков в попытке определить понятие электронного договора, опирается на такие основополагающие признаки, как возможность воспроизводства содержания договора в неизменном виде на материальном носителе, а также возможность достоверным образом определить волеизъявление лиц, подписавших такой договор. Относительно способов определения волеизъявления лица последние, как правило, установлены в нормативно-правовых актах [61]. Особое внимание Е.В. Шестаков уделяет аспекту идентификации сторон договора в информационной системе (речь идет о заключении договора посредством информационных платформ) а также тому, что после идентификации в такой информационной системе, дальнейшее поведение сторон договора подчинено алгоритму такой компьютерной программы. При этом, зафиксированное программой

(платформой) волеизъявление сторон на подписание соответствующего договора, позволяет платформе исполнять сделку, например, передавать одной стороне цифровое право, а у покупателя списывать денежные средства и перечислять их на счет продавца [61]. В связи с этим, юридическое значение волеизъявления лица при заключении договора в электронной форме посредством цифровых платформ будет заключаться и в предоставлении согласия такой платформе посредством внедренных в нее алгоритмов осуществлять и исполнение договора.

Кроме того, Е.В. Шестаков отдельно обращает внимание на то, что «документы в электронной форме, подписанные квалифицированной электронной подписью, полностью приравниваются по юридической силе к документам на бумажном носителе, подписанным собственноручными подписями их авторов (ч.1 ст.6 Закона «Об электронной подписи»)). Электронная квалифицированная подпись позволяет достоверно определить лицо, подписавшее электронный документ» [62]. Данное утверждение является вполне обоснованным, поскольку основывается на прямом толковании норм соответствующего нормативно-правового акта. В связи с этим, допустимо сделать вывод и о том, что необходимым требованием к достоверности и «легитимности» электронного договора будет его подписание посредством электронной подписи, которая позволяет идентифицировать сторону договора, объем его правомочий и зафиксировать тем самым, факт его волеизъявления.

Относительно утверждения о необходимости использования электронной подписи при заключении договоров в электронном виде, отметим, что действующее законодательство (п.2 ст.434 ГК РФ) не запрещает и даже допускает обмен между сторонами гражданских правоотношений документами в электронной форме, в том числе и подписание договора способом обмена электронными письмами, в которых будут зафиксированы условия договора, выражены оферта и акцепт. Вместе с тем, такой документооборот несет в себе большие риски, связанные со сложностью

доказывания юридически значимых обстоятельств относительно условий договора и волеизъявления сторон. В подтверждение этого, можно указать на примеры из судебной практики. В частности, имеют место случаи отказа судов в защите нарушенного права в связи с отсутствием надлежащих доказательств, подтверждающих вышеуказанные обстоятельства. При этом, доводы стороны основываются на вышеуказанном обмене электронными письмами и «простыми» электронными копиями документов. В частности, по таким мотивам в связи с отсутствием подтверждения направления проекта договора контрагенту истец не смог убедить суд в своей правоте (определение Верховного Суда РФ от 10.06.2014г. № 41-КГ14-3 [25]). В другом случае, использование «простых» электронных писем привело к тому, что ВС РФ пришел к выводу об отсутствии согласования существенного условия договора на переговорах (определение ВС РФ от 01.10.2018г. по делу № А40-137649/2016 [26]).

Имеют место и противоположные примеры, когда суды находят доводы стороны ссылающего на «простой» электронный документооборот обоснованными. Например, решением Арбитражного суда г.Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19 апреля 2019г. по делу № А56-130160/2018 [45], исковые требования были признаны обоснованными, однако, «простой» электронный документооборот также не убедил суд (иными словами, суд не признал доводы истца о том, что существенные условия договора были согласованы в процессе обмена электронными письмами). Правова истца была доказана из содержания последующих действий сторон спорного договора, по которым и было установлено содержание спорных существенных условий такого договора.

Таким образом, использование при заключении договоров электронного документооборота без средств идентификации его отправителей в настоящий момент создает существенные риски того, что сторона, права и интересы которой нарушены, в случае возникновения спора, столкнется с существенными трудностями в доказывании обстоятельств, на

которые она будет ссылаться. При этом, другая сторона, действуя недобросовестно, может избрать позицию отрицания «авторства» «простых» электронных документов (писем) и т.п. В связи с этим, представляется, что использование электронной подписи как средства идентификации сторон договора, существенным образом упорядочивает такие правоотношения, предоставляет сторонам договора гарантии защиты их прав и интересов.

Д.А. Антрушина, предлагает определить электронный договор как «соглашение двух или более лиц, достигнутое посредством информационных технологий, которое фиксируется на соответствующих носителях и ведет к изменению, прекращению или возникновению реальных гражданских прав и обязанностей» [1, с. 521].

Отметим, что выделение новой формы договора требует тщательного доктринального обоснования, формирование целостной концепции. Формы договора, в определенной степени, это его внешнее выражение, способ существования в объективной действительности. В этой связи, если различать сам договор в электронном виде и его копию, которая может воспроизводиться, опять же, как в электронном виде, так и на бумажном носителе, то необходимо говорить о двух различных формах фиксации содержания договора. Однако, действующее законодательство не исключает такой ситуации, когда, например, письменное соглашение сторон будет предполагать возможность в дальнейшем обмениваться документами, в электронном виде по определенным средствам и способам связи. Таким образом, могут быть заключены и дополнительные соглашения, изменены существенные условия договора и т.п. Фактически, договор будет состоять из совокупности сделок, оформленных в письменной и электронной форме, что, как представляется, противоречит позиции выделения электронного договора в одну из форм договора.

Кроме того, главный аргумент против этого, заключается в том, что законодатель и сам не определился в этом вопросе окончательно, поскольку устная, простая письменная и нотариальная письменная формы договора

выделены. Иными словами, нормы действующего законодательства не содержат достаточно четких и однозначных предписаний, которые позволили бы обособить электронную форму договора от письменной формы договора в отдельный вид договоров (по критерию их формы). В связи с этим, допустимо рассматривать электронный договор как одну из разновидностей письменных договоров.

Также, необходимо отметить проблемность и дискуссионность терминологического аспекта. В настоящее время в правовой доктрине существуют альтернативные варианты термину «электронный договор». Например, И.М. Рассолов предлагает использовать термин «сетевой договор». В качестве аргументов указывается на то, что подобные договоры заключаются с использованием сетей различного характера, что является принципиальным отличием такого вида договоров от других письменных и нотариальных [43, с.135]. Представляется, что во введении подобного термина отсутствует необходимость сразу по нескольким причинам. Во-первых, данный термин не востребован в практике на данном этапе (не употребляется в соответствующей сфере). Во-вторых, в сфере правового регулирования цифровой экономики уже устоялось употребление характеристики «электронный» или «цифровой» (документ, договор, подпись и т.п.), что позволяет образовать необходимые логические видовые и родовые связи между соответствующими категориями.

Кроме того, в настоящий момент встречается такой термин, как «смарт-контракт». Анализ практики его применения и научной литературы [12, с.104-109], [19, с.431-440], [46, с.501] позволяет сделать вывод о существенной специфике смарт-контрактов в сравнении не только с простыми письменными договорами, но и с другими электронными договорами.

В связи с этим, обратим внимание на один из примеров «цифровизации» отечественной экономики и попытке построения взаимоотношений между сторонами договора с использованием технологий

распределенных реестров (блокчейн), которые являются одним из вариантов технической стороны вопроса функционирования электронных договоров. Речь идет о совместном проекте в виде так называемых смарт-контрактов между «Газпромнефть-Аэро» и авиакомпанией S7. В прессе отмечается, что применение такого контракта значительно упрощает и ускоряет взаимодействие двух сторон в вопросе получения топлива, необходимого для авиаперевозок, поскольку для этого нет необходимости в применении предоплаты, банковский гарантий, учета финансовых рисков [7].

Фактически, исполнение договора и обязательств фиксирует и производит соответствующая технология автоматически без участия человека по факту совершения сторонами определенных действий (заправка топливом, приводит к автоматическому списанию денежных средств со счета компании и фиксации данной транзакции в «договоре», который зафиксирован в виде программного кода).

Данный пример показателен. При этом, обратим внимание, что он применен и реализован в условиях, когда правовой статус таких «смарт-контрактов» в законодательстве и в отечественной доктрине не определен. В частности, по своему материальному выражению смарт-контракт – это программа, действующая на основе распределенных реестров, в связи с чем, существует позиция, согласно которой смарт-контракт это только технология реализации договора, но не сам договор. Кроме того, возникает вопрос о месте смарт-контрактов в системе более широкого явления – так называемых электронных договоров.

Таким образом, термин «смарт-контракт», также, не может и не должен заменять термин «электронный договор». Смарт-контракт используется для характеристики договоров, заключенных с использованием технологий блокчейн, когда программный код, составляющий договор хранится в различных хранилищах, между которыми происходит постоянный обмен данными. Кроме того, смарт-контракт позволяет автоматизировать процесс фиксации действий сторон по исполнению данного договора. То есть,

смарт-контракт это не только способ внешнего выражения заключенного договора, но и особенный (на данный момент, передовой с точки зрения науки и техники) способ фиксации договора и хода его исполнения. В связи с этим, смарт-контракт будет рассмотрен как одна из разновидностей электронного договора в следующем разделе.

Т.Ю. Кулик отмечает, что «особенностью договора в электронной форме является его заключение с использованием электронных средств связи, исключающих непосредственное взаимодействие сторон, с участием информационных посредников (провайдеров), путем обмена электронной информацией» [14, с.52].

Следует отметить, что электронный договор в той интерпретации, в которой он рассматривается в настоящем параграфе, как и любой другой договор является своеобразной внешней формой выражения договоренности, которая была заключена между сторонами такого договора, то есть, выражает существо и содержание возникших между сторонами правоотношений. Это обстоятельство, неизбежно порождает такое требование к заключению электронного договора, как полноценное соблюдение требований гражданского законодательства к существованию совершаемой сделки.

Отдельно необходимо обратить внимание на возможность заключения договора при помощи обмена сообщениями в сети Интернет, в том числе с использованием т.н. «электронной почты», мессенджеров, а также СМС-сообщений и т.п. В последнее время данный вопрос, также, актуализирован как на уровне законодательства, так и на уровне судебной практики. Как показывает анализ документов и сложившаяся судебная практика, главный проблемный вопрос заключается в идентификации сторон таких сообщений, а также, установление взаимосвязи между такими сообщениями и существом определенного договора (сделки). В этом направлении, также, существуют особенности, связанные с тем, был ли между сторонами предварительно заключен договор в простой письменной

форме или в электронной форме, либо не был и договор непосредственно заключается способом обмена сообщениями обозначенным выше способом и т.п. Также отметим, что рассматриваемая проблема по существу только частично взаимосвязана с использованием электронных подписей при заключении электронных договоров.

Таким образом, при подведении итогов рассмотрения вопроса об определении понятия, видов и места электронных договоров в отечественной правовой системе, можно сделать вывод о том, что легальное определение понятия «электронный договор» отсутствует, единое доктринальное определение таких договоров и их научно обоснованная система видов, также, не сформированы.

В результате проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что электронный договор – это соглашение двух и более сторон, направленное на установление, изменение или прекращение правоотношений, заключенное с использованием цифровых технологий, как путем составления единого документа, созданного в электронной форме, так и иным допустимым способом (обменом сообщениями) с использованием технических решений, позволяющих идентифицировать стороны сделки и их волеизъявление.

Предложенное понимание электронных договоров основано на подходе, согласно которому, электронный договор, как правовое явление, должно сочетать в себе родовые признаки гражданско-правового договора и электронного документа, поскольку он является документом, существующим в цифровой форме. В качестве специфических черт, присущих именно электронному договору, в предложенное определение включен аспект идентификации сторон такого договора с помощью технических решений в цифровой сфере и необходимость объективной фиксации их волеизъявления, учтена роль и значение цифровых платформ и технических решений в данной сфере (алгоритмов), которые являются своеобразной средой в которой создается и существует такой договор.

1.2. Виды электронных договоров

Проблема идентификации и определения видов электронных договоров на доктринальном уровне возникла сравнительно недавно, в связи с чем говорить об устоявшемся подходе по данному вопросу еще сложно.

Анализ законодательства и научных исследований в данной сфере позволяет сделать вывод о том, что, к электронным договорам необходимо относить те цифровые договоры, которые заключены с использованием любых видов электронных подписей. Кроме того, существуют такие разновидности электронных договоров, как смарт-контракты, обладающие своей существенной спецификой (как технологической, так и содержательной).

Немаловажным аспектом является рассмотрение такого вида электронных договоров, которые заключаются посредством обмена сообщениями (общения) сторон в сети «Интернет» различными способами (от электронных писем, до общения в мессенджерах или в социальных сетях, на иных платформах и т.п.). По существу, в последнем случае имеет место аналогия с заключением договоров посредством обмена почтовой корреспонденцией, которую можно идентифицировать как оферты и акцепт.

Анализ литературы по данному направлению позволяет сделать вывод о том, что полноценная работа по систематизации договоров, которые допустимо относить к электронным и по их группировке, не ведется, а все предлагаемые классификации носят фрагментарный характер [8, с.129], [64, с.1093-1099], [60, с.367-369].

Так, в настоящий момент, в качестве отдельного направления правового регулирования электронных договоров допустимо указать на вопрос трансграничного заключения электронных договоров, то есть внешнеэкономических сделок. Как правило, заключение таких договоров возможно в рамках уже существующих межгосударственных систем взаимодействия, например ВТО, других межгосударственных региональных

и общемировых экономических союзов и т.п. Работа в этом направлении в рамках ЕАЭС уже ведется [10]. В частности, в качестве одного из основных выводов по результатам такого исследования сделан вывод о необходимости создания технических решений, позволяющих автоматизировать заключение таких договоров между субъектами государств-участников данного объединения. В свою очередь, неизбежно, это обуславливает необходимость согласования правового регулирования такого процесса, что, в перспективе позволит выделить такие договоры в отдельный вид электронных договоров, например, как «внешнеэкономический электронный договор».

Далее, обратим внимание на такой специфический электронный договор, как «смарт-контракт». Отмечается, что к числу новых и перспективных цифровых технологий отнесены системы распределенного реестра [44]. В свою очередь, отмечается, что «формой цифрового распределенного реестра является технология блокчейн, под которой понимают распределенный реестр, управляемый децентрализованной сетью, обеспечивающий неизменность данных и представляющий собой постоянно дополняемую последовательность блоков данных, распространяемых участниками пиринговой сети» [3, с.79-87].

Р.В. Новиков определяет, что «технология блокчейн может применяться в различных сферах, таких как: финансовая сфера (криптовалюта, приложения в сфере торговли, управления инвестициями); инструменты для создания децентрализованных приложений (например: Ethereum - для смарт контрактов, Mattereum - для исполнения юридических контрактов); обеспечение безопасности данных и коммуникации; обмен данными и ценностями (социальные сервисы, монетизация контента и др.)» [19, с.431].

Среди специалистов отмечается, что «в настоящее время наиболее эффективно применение смарт-контрактов при работе с цифровыми активами в среде блокчейн. Как отмечают специалисты, смарт-контракт в наибольшей степени подходит для проведения автоматического исполнения

транзакций, таких как оплата при наступлении определенного события; наложение финансовых санкций при невыполнении каких-либо объективных условий» [6].

Отдельно отметим, что существуют и смарт-контракты, которые предполагают обращение к внешним (off chain) ресурсам, что обуславливает необходимость взаимодействия с так называемым оракулами – «поставщикам информации, которые по запросу контракта предоставляет из оффчейн мира достоверные данные, необходимые для корректной работы контракта, как правило, в качестве таковых выступают программы вне блокчейн и имеющие доступ к внешней среде» [22]. А.В. Сятчихин по этому поводу отмечает, что «это обстоятельство предполагает заключение отдельного соглашения на поставку данных для реализации основного контракта, а также повышает риски неисполнения либо ненадлежащего исполнения контракта» [46, с.501].

Определение правовой природы смарт-контракта в настоящий момент является предметом научной дискуссии.

Так, например, А.И. Савельев полагает, что «никаких юридических препятствий к признанию смарт-контракта гражданско-правовым договором не имеется [49, с.37]. Существует и противоположное мнение. В частности, А. Юров, являющийся координатором рабочей группы Роспатент ВЭБ ВОИР по блокчейну, полагает, что «рассуждение о том, что смарт-контракт является одним из видов договоров, является чисто теоретическим и практической значимости не имеет, так как смарт-контракт - это некое средство, которое обеспечивает выполнение каких-либо юридически значимых действий, а не сложный юридический документ» [51].

Анализ законодательства показывает, что в целом заключение смарт-контракта как юридически значимого соглашения не противоречит положениям о сделках и договоре, содержащихся в гл.9, гл.27 ГК РФ. Следует, также, отметить, что смарт-контракт в целом отвечает признакам электронного документа в соответствии с п.11.1 ст.2 Федерального закона от

27.07.2006г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и п.2 ст.434 ГК РФ. Тем не менее, как полагает Р.В. Новиков, «однозначного определения, отражающего правовую природу смарт-контракта, в настоящий момент наукой и практикой деятельности в сфере блокчейн-технологий не выработано» [19, с.432].

Далее, обратимся к нормативным документам в рассматриваемой сфере. Так, в рамках реализации Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Президентом РФ по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере 10 октября 2017 года утвержден ряд поручений, в том числе касающихся законодательного закрепления определения статуса цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, и их понятий, таких как: «смарт-контракт» [40].

В настоящий момент во исполнение поручений Президента РФ 22 мая 2018 года Государственной Думой РФ рассмотрены в первом чтении проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» [41] и проект Федерального закона № 419090-7 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» [42]. Анализ положений обозначенных законопроектов указывает на то, что в последних содержатся зачастую кардинально противоположные предложения относительно электронных договоров, смарт-контрактов и электронной торговли в целом.

В свою очередь, анализ воззрений ученых на проблемы правовой идентификации смарт-контрактов показывает, что вопрос признания последних особыми видами электронных договоров зависит от соблюдения сторонами при их заключении требований законодательства, предъявляемых к договорам общего и специального характера [3, с.79-80], [16, с.44-47]. В частности, это достижение сторонами соглашения по всем существенным условиям договора, соблюдение требований к правомочиям лиц, заключающих такие договора и т.п.

Кроме того, в силу описанных выше особенностей, в настоящее время возможно выделение двух видов смарт-контрактов. Первые из них это те, которые существуют исключительно в виде программного кода, вторая группа – это те, которые реализуют отдельные положения текстового договора (неважно, заключен ли он в форме электронного договора, нотариально удостоверенного, простого письменного или даже устного) [6].

В связи с этим, сформирован вывод о том, что смарт-контракты допустимо рассматривать как вид (форму) электронного договора, специфическими чертами которого выступают существование такого контракта в условиях специфических децентрализованных платформ в виде фрагментального кода (применении технологии блокчейн), при котором условия контракта излагаются с помощью языка программирования, а примененная технология позволяет фиксировать факт исполнения или неисполнения договора, автоматически проводить отдельные транзакции, то есть автоматизировать процесс исполнения договора. В свою очередь, в качестве гражданско-правового договора может быть рассмотрен исключительно тот смарт-контракт, которые отвечает всем законодательным признакам гражданско-правового договора. Правовое регулирование процесса заключения смарт-контрактов является одним из перспективных направлений развития отечественного гражданского законодательства.

Далее, обратим внимание на возможность признания особым видом электронных договоров, соглашений которые достигаются посредством обмена сообщениями в сети «Интернет» посредством различных платформ (электронная почта, мессенджеры, социальные сети и т.п.). С одной стороны, в настоящий момент, в большинстве случаев, проблема идентификации таких сообщений связана с процессом общения сторонами договора уже после заключения соответствующего договора в текстовом или электронном виде. Однако, не исключается возможность заключения обозначенным способом договора, например, во исполнение рамочного контракта. Кроме того, не стоит забывать и о том, что о факте заключения письменного договора в

отдельном случае могут свидетельствовать документы, отличающиеся от классического двухстороннего договора, например, это расходная накладная при поставке товаров, из которой следует, что сторона, в адрес которой осуществляется такая поставка – приняла товар.

Действующее в настоящее время законодательство допускает обмен такого рода сообщениями, придавая им юридическую силу при условии возможности идентификации сторон. В этой связи, обратимся к сложившейся по данному вопросу судебной практике.

Так относительно СМС-переписки, а именно СМС-уведомлений в Сбербанке, Арбитражный суд г.Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2016 году указал [29], что электронная переписка, в которой формально не применяется электронная подпись, но способ идентификации аналогичен требованиям к электронной подписи, будет признаваться электронным документооборотом с использованием простой электронной подписи. Так, клиент подал иск к банку относительно несанкционированного вывода со счета истца денежных средств на сумму более 6 миллионов рублей. В качестве подтверждения операций использовались платежные поручения, подписанные сгенерированными одноразовыми паролями, которые направлялись в СМС-сообщениях. Банк указал, что клиентом не были соблюдены требования по обеспечению недоступности средств идентификации третьим лицам и на основании этого отказал в удовлетворении требований.

В случае предварительного заключения соглашения между контрагентами об использовании таких способов информационного обмена у банков не возникает вопросов о юридической значимости электронной переписки, она считается легитимной и принимается в качестве доказательств (Постановление ФАС ЦО от 21.01.2010г. № Ф10-5994/09 [30], Постановление ФАС МО от 17.05.2013г. по делу № А40-102005/12-57-977 [31]).

Однако, даже при отсутствии такого соглашения и без использования электронной подписи в ряде случаев судами электронная переписка признается как легитимный обмен информацией в рамках гражданских правоотношений.

Так, судами признается переписка по электронной почте с использованием адреса электронной почты, которые были указаны в договоре, хотя отдельно условие о таком документообороте не прописано и нет соответствующего соглашения (Постановление Арбитражного суда ДО от 02.03.2016г. № Ф03-261/2016 [32]). Также, если используется адрес электронной почты, известный как почта самого лица или служебная почта его компетентного сотрудника (Постановление Арбитражного суда МО от 23.04.2015г. № Ф05-4229/2015 [33]), поскольку доступ к данному электронному адресу свидетельствует о совершении этих действий самим лицом, пока им не доказано обратное (Постановление Президиума ВАС РФ от 12.11.2013г. № 18002/12 [34]).

Если же данные условия не соблюдаются, то переписка с неустановленных адресов электронной почты не имеет доказательственного значения (Апелляционное определение Московского областного суда от 20.01.2016г. по делу № 33-1675/2016 [2]).

Так же, в судебной практике установлена позиция, что электронная переписка может признаваться электронным документооборотом при совершении сторонами конклюдентных действий, а именно длительное взаимодействие сторон договора с помощью электронной почты с направлением по ней различных документов (счетов, счетов-фактур, актов, писем, уведомлений и др.). Такая переписка в совокупности с фактическим исполнением при отсутствии бумажных документов, подтверждающих данные факты, будет считаться подтверждением должного исполнения обязательства (Постановление Арбитражного суда МО от 16.03.2015г. № Ф05-1388/2015 [35]).

Таким образом, в подведение итогов данного вопроса, отметим, что вопрос о правовой оценке электронного документооборота и обмена сообщениями иного характера, отдан на откуп судебной практике, которая активно формирует соответствующие позиции. В рамках такого подхода существует возможность, с учетом конкретных обстоятельств, сложившихся правоотношений, идентифицировать обмен сообщениями в качестве заключенного сторонами договора, при условиях идентификации сторон такого обмена информацией, а также соответствия заключенного соглашения требованиям действующего законодательства, что также позволяет определить такой договор заключенным в электронной форме.

Кроме того, в качестве отдельных видов электронных договоров необходимо выделить те, которые заключаются сторонами с использованием электронных подписей. В таком случае, электронный договор является полноценным и вполне соответствует уже действующему законодательству. Соответственно, электронные договоры такого вида могут быть квалифицированы в зависимости от вида применяемой электронной подписи, или сферы применения (например, электронные договоры, заключаемые в сфере закупок товаров работ и услуг для государственных нужд и т.п.).

Таким образом, в настоящий момент в силу положений действующего законодательства, можно выделить следующие виды электронных договоров:

- письменные электронные договоры, заключаемые способом составления одного документа с применением электронных цифровых подписей: по простой письменной форме, нотариально удостоверенные электронные договоры.
- письменные электронные договоры, заключаемые способом обмена юридически значимыми сообщениями (оферта и акцепт);
- письменные электронные договоры, сформированные по технологии блокчейн и предполагающие полную или частичную автоматизацию исполнения условий договора посредством программного обеспечения.

2. Правовое регулирование процесса заключения электронных договоров

2.1. Правовое регулирование способов заключения и формы электронных договоров

По результатам исследования, проведенного в предыдущей главе, было установлено, что электронный договор это один из видов договоров, специфика которого заключается в особом способе его заключения, который, по сути, представляет собой новую, отличную от письменной, форму договора. При этом, также, сделан предварительный вывод о том, что юридическое значение такой формы договора по существу не отличается от простой письменной формы, что также позволило сделать вывод о том, что на данный момент на электронные договоры целесообразно распространять правовой режим простых письменных договоров за некоторыми исключениями.

Это обстоятельство указывает на необходимость исследовать вопрос о способах заключения и формах электронных договоров начав с анализа общих положений гражданского законодательства о договоре.

В связи с этим, обратимся к положениям главы 28 ГК РФ регуливающей вопросы заключения договора.

В соответствии с ч.1 ст.432 ГК РФ «договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора» [59].

Исходя из буквального понимания процитированной нормы, для заключения договора необходимо соблюдение определенных условий:

- сторонами достигнуто соглашение по поводу существенных условий договора;
- такое соглашение достигнуто в форме, предусмотренной законом.

Относительно последнего требования, необходимо отметить, что, речь идет о необходимости соблюдения требований закона, устанавливающих

правила заключения договора в определенной форме для определенных видов договоров или для иных определенных в законе случаев. При этом, законодательство допускает возможность «повышать» степень защищенности формы договора, например, с устной на письменную, или с простой письменной на письменную нотариальную. В таком случае, требование закона относительно формы того или иного требования будет выполнено. Однако, требование о «понижении» формы договора по степени его достоверности и гарантированности для сторон (с нотариальной на простую письменную или с письменной на устную) законом не допускается, хотя в отдельных случаях может быть признан заключенным в судебном порядке по отдельным исключительным основаниям (например, невозможности нотариального удостоверения договора, либо уклонение одной из сторон от совершения необходимых действий).

Далее, обратим внимание на такое условие заключения договора как достижение соглашения по всем существенным условиям договора.

В соответствии с абз.2 п.1 ст.432 ГК РФ «существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение» [59].

Данное условие необходимо разделить на два элемента. Первый – это собственно достижение соглашения. Второй – это существенные условия договора.

Далее, обратим внимание на способ заключения договора. Он раскрыт в п.2 ст.432 ГК РФ. В соответствии с которым «договор заключается посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной» [59]. Как представляется, способ заключения договора одновременно выполняет и функции фиксации факта достижения сторонами соглашения относительно существенных условий договора.

В этой связи, также, обратим внимание на определение момента заключения договора. Гражданское законодательство определяет три различных момента заключения договора (в зависимости от особенностей правоотношений, возникающих между сторонами).

По общему правилу, договор считается заключенным в момент получения лицом, который направил оферту, ее акцепта (принятие условий) (ч.1 ст.433 ГК РФ). Существует два исключения из таких правил. В случае, если в силу прямого указания закона, для заключения договора необходима передача имущества, то договор считается заключенным с момента передачи такого имущества (ч.2 ст.433 ГК РФ). В случае, если договор подлежит государственной регистрации, то он считается для третьих лиц заключенным с момента такой регистрации (ч.3 ст.433 ГК РФ). Отметим, что последнее правило было изменено с принятием ФЗ № 42-ФЗ от 08.03.2015г. «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [55], ранее данное правило действовало для всех лиц, в том числе и для сторон договора.

Обращает на себя внимание, что среди способов заключения договоров, предусмотренных законодательством, отсутствует какой-либо отдельный способ заключения именно электронных договоров. Это обстоятельство порождает два вывода. Во-первых, по умолчанию, момент заключения электронного договора, также, определяется моментом получения лицом, направившим оферту, акцепта на данную оферту. При этом, оба действия должны быть совершены в электронной форме посредством взаимодействия на электронной платформе и с использованием электронных цифровых подписей. То же самое относится и к случаю, если договор связан с передачей имущества. В таком случае, требуется совершение реальных действий по передаче имущества из владения одной стороны, во владение другой.

Второй вывод – это наличие неопределенности в возможности и допустимости использования электронной формы договора (приравненной

по правовому режиму к простой письменной) для заключения тех сделок, которые подлежат государственной регистрации. Анализ действующего законодательства РФ позволяет сделать вывод о том, что данный вопрос фактически никаким образом не урегулирован. Однако, подача в регистрирующий орган договора в электронной форме законодательством о государственной регистрации не предусмотрена, такие договоры фактически не могут быть зарегистрированы.

Далее, непосредственно обратимся к вопросу о форме электронного договора. В ГК РФ правила соблюдения формы договора урегулированы положениями ст.434 ГК РФ. Согласно данной норме, установлена презумпция свободы выбора сторонами формы договора, кроме случаев, когда законом установлена определенная форма договора (ч.1 ст.434 ГК РФ). Существует и диспозитивное правило определения обязательной формы договора. Так, согласно абз.2 ч.1 ст.434 ГК РФ, даже если закон не устанавливает обязательную форму для договора, стороны могут договориться заключить договор в определенной форме. В таком случае, договор будет заключен только с момента придания такому договору оговоренной сторонами формы.

Далее, непосредственно обратимся к форме электронного договора. В соответствии с ч.2 ст.434 ГК РФ «договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абз.2. ч.1 ст.160 настоящего Кодекса» [59]. Обратим внимание, что в процитированной норме электронная форма договора фактически приравнена к письменной форме договора. В предыдущих разделах обосновывался вывод о том, что по своей сущности и материальному выражению электронная и письменная форма договора не тождественны.

Однако, что касается юридических свойств и правового режима электронные и простые письменные договоры с точки зрения гражданского

законодательства равноценны. В связи с этим, делался вывод о целесообразности установления для электронных договоров правового режима простых письменных договоров. Детальней условия соблюдения письменной формы электронного договора будут рассмотрены в следующем параграфе. Тут отметим, что ФЗ № 34-ФЗ от 18.03.2019г. «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [56] в данную норму были внесены изменения в части уточнения терминологии, связанной с электронными договорами.

В предыдущей редакции ч.2 ст.434 ГК РФ указание на возможность заключения электронного договора отсутствовало. При этом, указывалось на возможность заключения договора способом обмена электронными документами, которые передаются по каналам связи. Обязательным условием в таком случае была возможность достоверного определения авторства таких электронных документов. В действующей формулировке указанной нормы используется только термин «электронный документ» без указания на критерий достоверности его авторства или передачи их по каналам связи. Таким образом, критерий достоверности и критерий обмена электронными документами посредством канала связи теперь включен в само понятие электронного документа.

Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что действующая редакция нормы предусматривает возможность заключения договора в письменной форме и путем обмена иными данными в соответствии с правилами предусмотренными в абз.2 ч.1 ст.160 ГК РФ. Обозначенная норма определяет особенности соблюдения письменной формы сделки: «письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ,

позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю» [59]. Обращает внимание, что соответствующие дополнения в виде абз.2 ч.1 ст.160 ГК РФ были внесены одновременно с уточнением терминологии по электронным договорам и электронным документам в ст.434 ГК РФ.

В обозначенном случае идет речь не о самом электронном договоре или электронном документе, а о применении электронных или технических средств, которые при этом должны позволять с полной неизменностью воспроизвести содержание сделки (договора) в его неизменном виде на материальном носителе. Такой способ соблюдения письменной формы сделки не следует в полной мере ассоциировать с заключением электронного договора и заключением письменного договора путем обмена электронными письмами. В рассматриваемом случае идет речь о применении технологий и технических решений, которые позволяют автоматизировать процесс заключения сделки (договора) однако только при условии, возможности воспроизведения его содержания в доступном для визуального восприятия виде на материальном носителе. Это может быть электронный файл или иная форма существования информации, которая при помощи технических решений может быть перенесена на материальный носитель (как правило, бумагу).

Кроме того, необходимо обратить внимание на ч.3 ст.434 ГК РФ которая позволяет соблюсти письменную форму договора способом совершения действий, которые предлагаются в оферте в качестве условий договора. Иными словами, если контрагентом, получившим оферту в установленный в ней срок, будут совершены предусмотренные в ней в качестве условий договора действия, то факт совершения таких действий будет равнозначен акцепту договора. Из буквального толкования данной нормы следует что правило носит общий характер и применяется в т.ч. к

договорам, заключаемым в электронной форме, при условии, что в специальных нормах не будет предусмотрено иное.

Как уже указывалось, несоблюдение требований закона относительно формы договора, по общему правилу, влечет ее недействительность. То же самое, как представляется, относится и к несоблюдению формы договора, если он в обязательном порядке, или по договоренности сторон, должен быть заключен в электронной форме.

Вместе с тем, из данного правила существует несколько законодательных изъятий. Уже указывалось, что в отдельных случаях, договор может быть фактически исполнен сторонами и в отсутствие заявленных претензий в судебном порядке, никто и не признает его недействительным, не применит последствия недействительности сделки. Исключения составляют случаи, когда в результате заключения и исполнения договора возникает необходимость государственной регистрации или иных подобных действий, в результате которых факт заключения недействительного договора с пороком формы становится публичным. Второй случай – это возможность «исцеления» формы сделки способом признания в судебном порядке соответствующего договора заключенным и исполненным.

Третье исключение – это применение принципа добросовестного поведения и запрета злоупотребления правом. Так, в 2015 году ст.432 ГК РФ была дополнена частью третьей следующего содержания: «сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности (пункт 3 статьи 1)» [55]. Данное нововведение позволяет «защитить» правоотношения, возникающие между сторонами, которыми заключается договор нарушением требований закона, если такой договор фактически был исполнен сторонами (в том числе стороной кредитора было

принято исполнение обязательства должника по договору). «Защита» происходит от недобросовестных действий одной из сторон, которая изначально вела себя таким образом, что не имеет претензий по поводу заключения и исполнения такого договора, а в последствии поменяла свою позицию и заявила претензии, связанные с тем, что договор был не заключенным.

Обычно, такие ситуации связаны с несогласованием сторонами всех существенных условий договора, с недостаточной ясностью формулировок и т.п. В сложившейся судебной практике суды часто руководствуются обозначенным правилом ч.3 ст.432 ГК РФ, которое, как представляется, вполне может быть применено и к заключениям электронных договоров.

В этой связи необходимо обратить внимание на абз.2 ч.1 ст.167 ГК РФ, согласно которой, «лицо, которое знало или должно было знать об основаниях недействительности оспоримой сделки, после признания этой сделки недействительной не считается действовавшим добросовестно» [59].

Представляется необходимым установить правовые гарантии и механизмы, которые позволят в дальнейшем совершенствовать правовое регулирование гражданско-правового института электронных договоров и в значительной степени позволят укрепить доверие к данному способу и форме заключения договоров.

В законодательстве установлено правило, согласно которому владелец электронной цифровой подписи самостоятельно отвечает за ее сохранность и несет риск наступления негативных последствий, связанных с ее утратой и т.п. Это вполне справедливое правило не отменяет факта возможного похищения хранилища цифровой подписи и ее использования в противоправных целях для заключения различного рода фиктивных договоров и получения незаконной выгоды. Вопрос о том, будет ли нести ответственность за такую халатность владелец цифровой подписи или нет, а если да то, в каком размере, остается открытым.

В этой связи, представляется необходимым установить правило, действующее в случае утери или утраты электронного носителя электронной цифровой подписи в виде обязанности сообщить об этом оператору, либо на иной платформе, что позволит максимально быстро приостановить ее действие до уточнения обстоятельств случившегося. Способ такого уведомления должен быть максимально удобным и быстрым. После временной блокировки подписи, компетентные должностные лица должны провести проверку и, если информация подтвердится (обратившийся будет верифицирован как действительный владелец электронной подписи), последняя должна быть заблокирована.

В свою очередь, у неограниченного круга контрагентов, которые заключают договоры посредством использования электронных подписей, должна быть гарантия того, что та или иная цифровая платформа, посредством использования которой заключается договор в электронной форме, своевременно приостановит действие или заблокирует ее в случае поступления такого заявления от ее владельца или иных лиц. Внедрение такого правового механизма позволит определить добросовестность поведения сторон договора при его заключении и исключить многие варианты возможного противоправного или недобросовестного поведения в таком случае.

Кроме того, в результате проведения системного анализа положений ГК РФ относительно особенностей заключения и формы электронных договоров, с учетом последних изменений в законодательстве, установлено, что в силу прямого указания закона, электронный договор может быть заключен только в письменной форме. Установлены следующие способы заключения электронных договоров:

- составление одного документа в электронной форме – электронный договор. В таком случае, стороны в обязательном порядке должны применить электронные подписи как техническое средство подтверждения их волеизъявления в электронной форме;

- способом обмена электронными документами. В данном случае, может быть использована электронная подпись, либо простые не «подписанные» электронные образы документов. Если электронный документ подписан квалифицированной электронной подписью, то он признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, и может применяться в правоотношениях в отсутствие соглашения об электронном документообороте, за исключением тех ситуаций, когда федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами прямо установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе.

Закон не указывает для таких случаев какие-либо особые требования, однако специальным законодательством может быть установлен и другой порядок. В таком случае, содержание электронных документов должно отображать оферту и ее акцепт. В отдельных случаях допускается совершение действий, направленных на выполнение условий, предложенных в оферте, что будет свидетельствовать о заключении договора;

- способ обмена письмами или иными сообщениями в электронной форме, в т.ч. в сети «Интернет». Отметим, что такой способ заключения электронного договора представляет для контрагентов наибольшие риски юридического характера и вытекающие из них риски имущественных потерь в виду слабых гарантий доказывания различных обстоятельств возникающих правоотношений;
- способом обмена иными данными посредством использования электронных или иных технических средств, которые позволят полноценно воспроизвести на материальном носителе содержание условий договора при условии, если такой способ заключения договора позволяет достоверно определить лицо, выразившее волю

на заключение договора. Отметим, что данный способ заключения договоров является попыткой отечественного законодателя внедрить одни из наиболее передовых достижений технического прогресса, позволяющих автоматизировать процесс заключения и исполнения договора (технологии «блокчейн» и иные подобные автоматизированные системы).

2.2. Условия соблюдения письменной формы электронных договоров

Как уже указывалось, электронный договор в силу действующего законодательства признается одним из видов простых письменных договоров. При этом, в силу того, что практика заключения электронных договоров для отечественного права является явлением новым, предметное законодательное регулирование данного вопроса в гражданском законодательстве появилось только в 2019 – 2021 годах, вопросы определения критериев (условий) по которым письменную форму электронных договоров можно определить соблюденной или не соблюденной, остается открытым. В законодательстве отсутствует полноценная норма, которая определяла бы такие требования (критерии). Кроме того, проведенный анализ научной доктрины показывает отсутствие полноценных предметных исследований, посвященных вопросам, связанным именно с электронным договором в целом. Одним из последних исследований на подобную тематику является диссертация Н.В. Козинец 2017 года, посвященная вопросам трансграничной электронной торговли [17]. Однако, данное исследование не учитывает особенности текущего законодательного регулирования электронных договоров после законодательных нововведений 2019–2021 годов (внесение изменений в ГК РФ, принятие законодательства о цифровых активах и т.п.). Таким образом, ни в законодательстве, ни в отечественной правовой доктрине не имеется

сформированной системы критериев (требований) которым должна соответствовать именно электронная форма договора.

Анализ судебной практики показал отсутствие значимых и аргументированных ее обобщений и какой-либо унификации позиций судов по этому вопросу. Среди прочего, об этом свидетельствует полное игнорирование вопроса электронных договоров в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [36]. Представляется, что внесение дополнений в указанное постановление будет первой попыткой ВС РФ унифицировать судебную практику по тематике электронного договора и существенным шагом к совершенствованию судебной практики в данном направлении.

В связи с этим, обратимся к более детальному и акцентированному на обозначенных аспектах анализу положений гражданского законодательства, определяющих требования к письменной форме договора.

Итак, письменная форма договора является одной из разновидностей форм договора. Отметим, что термин «форма» является довольно распространенным в правовой доктрине. Например, норма закона является одной из форм существования нормы права и т.п. В целом, «форма» для целей юриспруденции представляет из себя способ существования, объективизации того или иного процесса, либо явления, например договора.

В результате анализа судебной практики, установлен интересный для целей настоящего исследования судебный подход к пониманию формы документа. Так, в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2020) утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020г. [24] рассмотрено кассационное определение судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 18.02.2020г. № 41-КА19-15, в котором отмечается, что «под формой юридического документа понимается внешняя объективизация содержания данного

документа, позволяющая обеспечить его законность, а также достичь стоящих перед лицом, принимающим юридический документ, целей. Достижение данных целей осуществляется посредством определения следующих компонентов формы юридического документа: надлежащего носителя (бумажный или электронный), структуры документа (внутренняя упорядоченность его содержания), а также закрепления в нем обязательных элементов, при отсутствии которых он не выполняет своего назначения (реквизиты: вид, адресат, место и дата составления, регистрационный номер документа, подписи лиц и др.)» [18]. Таким образом, по аналогии с документом, можно предположить, что требования к форме электронного договора могут заключаться в определении его носителя в виде электронного файла, а также наличия соответствующего содержания в виде условий договора, реквизитов сторон и других атрибутов простого письменного договора.

Представляется, что специфика требований к соблюдению формы письменной сделки для электронных договоров различаются в зависимости от способа его заключения.

Согласно ч.1 ст.160, ч.2 ст.434 ГК РФ, существует три основных способа заключения договора в письменной форме: составление одного документа (в нашем случае – электронного договора). Второй способ: обмен электронными письмами или электронными документами. Третий способ: обмен иными данными (то есть, не электронными письмами и не электронными документами) посредством электронных или других технических средств, которые позволяют воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки (договора), а также при условии, если в качестве такого реквизита договора как подписи сторон используется такой способ, который позволяет достоверно определить (персонифицировать, идентифицировать) лицо, которое выразило свою волю.

Отметим, что для второго и третьего способа характерен обмен офертой и акцептом. Частным случаем заключения договора вторым

способом является принятие оферты путем выполнения условий договора второй стороной. Что касается третьего способа заключения договора (обмен «иными данными») то он, как представляется, объединяет в себе способы заключения электронных договоров с использованием технологий распределенных реестров по типу «блокчейн» и смарт-контракты (и иные подобные автоматизированные системы). Что касается первого способа заключения электронного договора, то он может быть заключен только на определенной информационной платформе, функционал которой позволяет организовать одновременное взаимодействие нескольких пользователей по поводу договора, фиксацию условий по которым достигнуто согласие, идентифицировать и подтвердить личность участников такого договора, в т.ч. при помощи ключа электронной подписи.

Первое требование (условие) которое может быть определено как общее для всех без исключения видов электронных договоров, является необходимость существования на определенном носителе. А.В. Середа высказывает позицию, согласно которой «письменную форму сделки можно считать соблюденной при одновременном выполнении двух условий: 1) сделка составлена в виде документа, удостоверяющего содержание волеизъявления сторон; 2) составленный документ заверен подписями (либо ее аналогами) сторон» [47].

С такой позицией необходимо согласиться, поскольку договор представляет собой разновидность документа. Традиционно принято придерживаться так называемой «бумажной» концепции документа, однако действующее законодательство признает возможность существования и электронного документа (ст.2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [53], процессуальное законодательство, определяющее порядок производства по гражданским, арбитражным и уголовным делам, административное судопроизводство). В предыдущих параграфах настоящего исследования уже обосновывалась взаимосвязь

предусмотренного в законодательстве термина «электронный документ» и «электронный договор».

Кроме того, как обоснованно отмечает А.В. Середа, если понимать, что настоящая сущность и предназначение документа заключается в фиксации, хранении и передаче информации, то не имеет определяющего значения каким образом хранится такая информация, если способ ее хранения позволяет решать перечисленные задачи [47]. Исходя из этого, способом существования договора является электронный документ в виде электронного цифрового файла. Данный файл, его содержание должны позволять с точностью воспроизводить содержание согласованных сторонами условий договора и его реквизитов.

Таким образом, способом существования электронного договора, как разновидности документа, является электронная форма (электронный файл, цифровой файл). Анализ действующего законодательства показывает, что последнее не предъявляет конкретных технических требований к таким файлам. Однако, существует условие о том, чтобы такой файл (как и обмен иными данными) позволял с точностью воспроизвести для визуального восприятия на материальном носителе содержание заключенного договора. Что касается соблюдения такого реквизита письменной формы договора, как подписи сторон, то он, также, определяет такое требование к техническим характеристикам электронного документа (файла) как техническая возможность достоверно определить волеизъявление лица, являющегося стороной договора.

Определяя специфику существования электронного договора в виде электронного документа (файла), отметим, что в соответствии с ФЗ «Об электронной подписи» [53], электронный документ может быть подписан при помощи электронной подписи, что является одним из способов соблюдения требования о наличии подписи его сторон как обязательного реквизита письменной формы электронного договора.

Обратим внимание на возможность нотариального удостоверения электронных договоров. В результате изменений законодательства в 2018г., вступивших в силу с 01.01.2020 года, предусмотрена возможность использования нотариусами электронной подписи (абз.2 ст.11 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [23]). Анализ положений данного нормативно-правового акта показывает, что в настоящий момент нотариус активно вовлечен в электронный документооборот, наделен полномочиями по нотариальному заверению различных электронных документов, в т.ч. равнозначности документа на бумажном носителе документу на электронном носителе, развивается взаимодействие нотариусов посредством единой информационной системы взаимодействия государственных органов. Кроме того, законодательством предусмотрена возможность совершения нотариальных действий удаленно, при которых нотариус может удостовериться в личности обратившегося посредством усиленной квалифицированной электронной подписи (ст.42 Основ законодательства о нотариате).

В связи с этим, обратим внимание на ст.42.2 Основ законодательства РФ о нотариате, регулирующей общий порядок совершения нотариальных действий в электронной форме. Так, согласно ч.1 ст.42.2 указанного закона, «по просьбе лица, обратившегося за совершением нотариального действия, нотариус может совершить нотариальное действие путем изготовления нотариального документа в электронной форме» [23]. Данная норма была введена в 2019 году с принятием ФЗ от 27.12.2019г. № 480-ФЗ [58]. Также отмечается, что составленный таким образом нотариусом документ подписывается лицом, которое обратилось к нотариусу за совершением такого нотариального действия при помощи простой электронной подписи, и нотариусом с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодательство о нотариате не использует термин электронный договор и по смыслу данной нормы, речь идет о лице, обратившемся к нотариусу, а не

о лицах во множественном числе как это может быть при нотариальном оформлении договора.

Однако, окончательный ответ на данный вопрос содержится в ст.53.1 «Основ законодательства РФ о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 26.03.2022), которая регулирует порядок нотариального удостоверения сделки без взаимного присутствия ее сторон. В таком случае, нотариальное заверение сделки осуществляется двумя нотариусами по месту нахождения сторон сделки. Письменная сделка оформляется в виде единого электронного документа при помощи функционирования единой информационной системы нотариата.

Отдельно отмечается, что «договор, удостоверенный двумя и более нотариусами в порядке, предусмотренном настоящей статьей, считается договором, заключенным в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами» [23].

Обозначенные нововведения, безусловно, необходимо оценить позитивно, поскольку они в значительной степени нивелируют фактор дальности нахождения потенциальных сторон договора, а значит и ускоряют гражданский оборот, делают его правила удобнее. В обоснование данного утверждения, укажем, что одним из вариантов противоправного использования электронной цифровой подписи является ее незаконное завладение и использование для заключения договоров посредством определенных платформ. Какие бы правовые механизмы или гарантии не предпринимались, полностью исключить такие случаи невозможно по объективным причинам. Это обстоятельства по своей сущности предполагают наибольшие гарантии законности сделки и достоверности волеизъявления сторон не просто при заключении договора в письменной форме, но и ее «усиления» за счет нотариального удостоверения такого договора.

Во многих случаях, в силу действующего законодательства, требование, основанное на нотариально удостоверенной сделке, намного легче рассмотреть в судебном порядке, т.к. большая часть таких требований

может быть удовлетворена путем вынесения судебного приказа в гражданском и арбитражном процессах.

Электронная форма сделки, особенно при использовании технологий блокчейн и цифровых платформ, также, предполагает определенную автоматизацию взаимоотношений сторон. Однако, остается неурегулированным вышеуказанный вопрос о достоверности первоначального волеизъявления сторон (контрагент по сделке может только предполагать о том, что на «другом конце провода» перед ним находится именно то лицо, на имя которого выдана электронная цифровая подпись, но полной уверенности в этом быть не может.

Таким образом, одним из направлений совершенствования действующего законодательства является объединение возможностей и преимуществ электронного договора и нотариальной формы сделки. Иными словами, в данный момент установлена возможность заверения уже электронных цифровых подписей сторон нотариусом, также в электронной форме. Речь идет, прежде всего, о тех случаях, когда стороны находятся на значительном удалении друг от друга. В такой ситуации одна или обе стороны, могут явиться к нотариусу, который имея доступ к соответствующей электронной платформе в статусе «нотариуса», после подписания договора явившейся к нотариусу стороны посредством ЭПЦ выполнит и свою нотариальную надпись об удостоверении сделки в отношении явившейся стороны. Такое нотариальное заверение будет преследовать решение главной задачи: удостоверение того, что при подписании конкретного электронного договора электронную цифровую подпись использовал именно ее владелец. Дополнительно могут решаться традиционные для нотариуса задачи: разъяснение стороне его прав и обязанностей, последствий заключения договора, правил его заключения, удостоверение в его дееспособности, адекватном психическом состоянии и т.п.

Более того, представляется, что возможность нотариального удостоверения договоров в электронной форме будет облегчать, в отдельных случаях, и заключение договоров, которые в силу закона должны заключаться в нотариальной форме а их стороны не имеют возможности явиться в один населенный пункт к одному нотариусу (например, перевод долга, основанного на сделке, совершенной в нотариальной форме, что предусмотрено п.4 ст.391, п.1 ст.389 ГК РФ).

Таким образом, нужно отметить, что требование к соблюдению письменной формы электронного договора, прежде всего заключаются в наличии возможности обеспечить существование текста договора в электронной форме, которая позволяет при необходимости воспроизводить содержание договора, а также все необходимые для определенного вида договоров реквизиты, в том числе подписи сторон договора, позволяющие достоверно идентифицировать стороны договора и их волеизъявление. Это обстоятельство указывает на необходимость использования для заключения таких договоров информационных ресурсов (платформ), администраторы которых следят и гарантируют соблюдение правил взаимодействия в рамках такой платформы (с технической стороны).

Далее, обратим внимание на такой способ заключения электронных договоров, как обмен электронными документами, либо электронными письмами. В этой связи, также, обратим внимание на то, что содержанию электронных документов должны соответствовать и оферта и акцепт.

Отметим, что такой способ заключения договоров вызывает на практике значительные затруднения уже на протяжении длительного времени (с тех пор как законодатель и судебная практика признали возможность заключения договора посредством такого обмена). В частности, возникает вопрос о том, возможен ли обмен документами, подписанными электронной квалифицированной подписью, через электронную почту, а не через оператора электронного документооборота? Представляется, что для таких целей не требуется заключение отдельного рамочного соглашения и

обязательное привлечение оператора электронного документооборота. Данный вывод основан на том обстоятельстве, что в соответствии с п.1 ст.6 ФЗ от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об электронной подписи», информация в электронной форме, которая была подписана электронной подписью, обретает статус электронного документа, равнозначного документу на бумажном носителе. Как отмечает Л.Г. Ефимова, «ни Закон об электронной подписи, ни другие законы и нормативные акты не предполагают обязательной передачи документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью, через оператора электронного документооборота» [9, с.22].

Это означает, что электронный документ, сформированный таким образом, при соответствующем содержании, будет соответствовать требованиям, предъявляемым законодательством к оферте, либо к акцепту. В свою очередь, ранее уже рассмотренные положения гражданского законодательства относительно способов обмена офертой и акцептом показывают, что они допускаются и посредством обмена письмами в сети «Интернет». Исходя из этого, в случае заключения договора в письменной электронной форме при обмене офертой и акцептом в форме электронных документов, подписанных электронной подписью, будут выполнены требования законодательства относительно соблюдения письменной формы договора.

Далее, обратим внимание на такой способ заключения договоров, как обмен электронными письмами. Сюда, также, необходимо относить и обмен электронными образцами письменных документов, например, по электронной почте. Отметим, что действующее законодательство допускает заключение договора таким способом, однако в случае возникновения спора, возникает вопрос доказывания условий договора между сторонами и прочих обстоятельств. Одной из наиболее типичных является ситуация, когда «стороны по договору (юридические лица) обменялись по электронной почте сканированными копиями подписанных дополнительных соглашений к

договору. Оригиналами не обменивались. Заключение договора, дополнительных соглашений к нему путем обмена их сканированными копиями по электронной почте, договором не предусмотрено. В связи с этим, возникает вопрос о том, можно ли считать такие дополнительные соглашения заключенными?

Анализ судебной практики [2] по данному поводу позволяет сделать вывод о том, что, если стороны не оспаривают договор и не заявляют об его фальсификации, суды признают такие договоры. В частности, в одном из рассмотренных случаев, суд признал договор действующим и взыскал с поставщика за неисполнение обязательств штрафные санкции, так как установил, что «в рамках проводимого истцом запроса предложений от ответчика поступила оферта, содержащая все существенные условия договора поставки, которая в рамках процедуры, установленной в организации истца, рассмотрена и принята, о чем ответчик был уведомлен посредством направления по электронной почте протокола о результатах запроса предложений, подписанного им с проставлением печати. Представленные тексты договоров (подписанный со стороны ответчика и договор, подписанный путем обмена скан-копиями, от 07.09.2012г.) идентичны» [37] (постановление ФАС Дальневосточного округа от 21.04.2014г. № Ф03-1251/2014 по делу № А37-1143/2013 [37]). Иными словами, суд признал договор заключенный таким способом, в том числе соответствие заключенного договора требованию об его письменной форме, поскольку обе стороны предоставили на бумажном носителе копии электронных образов документов (простые копии «отсканированных» документов) такого договора идентичного содержания, то есть факт заключения договора или его отдельные положения не оспаривались.

В другой ситуации суд поступил с точностью до наоборот: при определении правовой квалификации сложившихся отношений между сторонами ФАС Дальневосточного округа в постановлении от 21.07.2015г. по делу № А51-21709/2014 [38] пришел к выводу, что «отношения сторон по

обмену документами посредством электронных средств связи так и не были оформлены в письменной форме, договор обеими сторонами не был подписан и не исполнялся. Из представленных скриншотов электронных писем не усматривается, что в ответ на получение от третьего лица сканированного оригинала договора, подписанного истцом, аналогичные действия по подписанию договора, его сканированию и направлению в адрес истца предприняты ответчиком» [39].

Исключения из указанной тенденции довольно редки. Один из таких случаев описывается в публикации С.Л. Будылина, «в этом договорном споре истец, помимо прочих доказательств, представил суду нотариальный протокол осмотра своего электронного почтового ящика. Из протокола явствовало, что стороны обменялись по электронной почте скан-копиями экземпляров договора, каждый экземпляр с подписью соответствующей стороны. Нижестоящие суды общей юрисдикции проигнорировали это доказательство, по-видимому, полагая, что так договоры заключать не положено. Верховный Суд отправил дело на новое рассмотрение. Мотивировка Суда не блистает ясностью, но, очевидно, ВС считает, что заключение договора путем обмена скан-копиями в принципе допустимо» [4]. Приведенный пример вряд ли можно считать исключением, т.к. в конце концов, суд пришел к выводу о возможности заключить договор подобным образом.

Таким образом, существующая судебная практика показывает слабую защищенность стороны, права и законные интересы которой нарушены при заключении таких договоров и высокую вероятность отказа в заявленных исковых требованиях, если позиция ответчика будет направлена на отрицание факта заключения договора таким образом или отдельных его условий. В связи с этим, различными учеными высказываются рекомендации при организации документооборота таким образом. В частности, Е.В. Шестакова обращает внимание на то, что перед «отправкой файла имеет смысл проверить, не происходит ли автоматического сжатия, которое может

существенно ухудшить изображение. Если возникнет спор, чья подпись в документе, подлинная ли печать, вносились ли изменения в документ с использованием графических редакторов» [62], требуется последующее одобрение сделки. В этой связи рекомендуется прекратить все действия, направленные на выполнение обязательств по такому договору до получения надлежащего подтверждения от уполномоченных лиц контрагента о действительности тех или иных реквизитов договора (подтвердить волеизъявление стороны). Также, допустимым подтверждением волеизъявления могут служить фактические действия, направленные на исполнение обязательств по договору совершенные такой стороной.

Далее, обратим внимание на особенности соблюдения письменной формы договора при таком способе его заключения, как обмен иными данными (т.е. не составление единого электронного договора, не обмен электронными документами, письмами и т.п.) в порядке, предусмотренном абз.2 ч.1 ст.160 ГК РФ (особенности соблюдения письменной формы сделки). Появление такого способа заключения письменных электронных договоров обусловлено, как представляется, двумя аспектами. Во-первых, введение в гражданский оборот такого вида имущества, как цифровые активы, цифровые права и цифровой валюты, а также распространение практики заключения смарт-контрактов.

Отметим, что в соответствии с ч.3 ст.14 ФЗ от 31.07.2020г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [58], «под организацией обращения в Российской Федерации цифровой валюты понимается деятельность по оказанию услуг, направленных на обеспечение совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций, влекущих за собой переход цифровой валюты от одного обладателя к другому, с использованием объектов российской информационной инфраструктуры» [59].

Таким образом, можно утверждать о том, что оборот цифровых активов и цифровой валюты в отечественной экономике возможен только с использованием объектов российской информационной инфраструктуры, что, в том числе, предполагает возможность заключения для этого электронных договоров. Такой вывод, также, подтверждается в связи с законодательным определением терминов «цифровой актив» и «цифровая валюта» поскольку последние хранятся в информационной системе на основе распределенного реестра.

Далее, обратимся к такому явлению как смарт-контракты. В последнее время правовому регулированию смарт-контрактов в Российской Федерации посвящено большое количество публикаций. Относя смарт-контракт к одному из видов электронных договоров, необходимо и определять требования к соблюдению его письменной формы. Наиболее обоснованным выглядит понимание смарт-контракта, высказанное группой ученых С.А. Сеницыным, М.О. Дьяконовым и Т.О. Чурсиной в их совместной публикации. Последние рассматривают смарт-контракт как технологию заключения и исполнения договора как сделки. При этом, «содержание смарт-контракта фиксируется при помощи языка программирования и кодов, что не позволяет рассматривать смарт-контракт как новый тип, вид договора. Вопросы толкования смарт-контрактов, определения прав и обязанностей сторон, условий и объема защиты решаются общими нормами договорного права» [50]. В связи с этим, также отмечается, что «распространение смарт-контрактов существенно упростит технику договорной работы, но не смысл и содержание договорного права, устанавливающего ограничения автономии воли сторон и предоставляющего гарантии защиты законных интересов их участникам» [50].

Исходя из этого, с уверенностью можно предположить, что технологии смарт-контракта сами по себе являются специфическим способом существования обязательств (в виде программного кода), который

дополняется возможностью автоматизировать процесс исполнения договора в целом или отчасти.

Заключение

В результате проведенного исследования, были сделаны следующие выводы и сформулированы предложения:

1. В результате анализа законодательных актов, правоприменительной и доктринальных позиций относительно электронных договоров, предлагается следующее определение электронного договора: соглашение двух и более сторон направленное на установление, изменение или прекращение правоотношений, заключенный с использованием цифровых технологий, как путем составления единого документа созданного в электронной форме, так и иным допустимым способом (обменом сообщениями) с использованием технических решений, позволяющих идентифицировать стороны сделки и их волеизъявление.

2. В результате анализа признаков электронных договоров, установлено, что в силу прямого указания действующего законодательства (ч.2 ст.434 ГК РФ), электронный договор отнесен к разновидности письменного договора.

Такой законодательный подход представляется ошибочным. В исследовании обоснован вывод о том, что электронный договор следует считать договором, заключенным в особой цифровой, электронной форме, которая отличается от письменной и нотариальной формы сделки. Такой вывод сделан по причине значительного сущностного и материального отличия электронного и письменного способа существования договора, в связи с чем, причисление электронного договора к бумажному, письменному может быть только «условным», своеобразной «правовой фикцией». Довод о возможности визуального восприятия содержания и реквизитов как электронного, так и письменного договоров, не является решающим, поскольку аналогичным образом могут восприниматься простые письменные и нотариальные формы договоров, что не мешает выделять их в отдельные виды. Иными словами, письменный договор (как простой, так и нотариально

удостоверенный) в своем первоисточнике создан на бумажном носителе, а электронный – на цифровом.

3. На текущем этапе развития договорного права целесообразно установить презумпцию соответствия электронного договора простому письменному договору, с учетом установленных законом особенностей заключения, и исполнения и прекращения таких договоров.

В связи с этим, сделан вывод о необходимости законодательного определения электронного договора (электронной сделки) как одной из разновидностей письменной формы сделки. Предлагается внести изменения в ч.1 ст.158 ГК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 158. Форма сделки

1. Сделки совершаются устно или в письменной форме (простой, простой электронной или нотариальной)».

4. В результате проведенного исследования, установлены следующие виды электронных договоров:

- письменные электронные договоры, заключаемые способом составления одного документа с применением электронных цифровых подписей: по простой письменной форме, нотариально удостоверенные электронные договоры.
- письменные электронные договоры, заключаемые способом обмена юридически значимыми сообщениями (оферта и акцепт);
- письменные электронные договоры, сформированные по технологии блокчейн и предполагающие полную или частичную автоматизацию исполнения условий договора посредством программного обеспечения.

5. Установлены следующие способы заключения электронных договоров:

- составление одного документа в электронной форме – электронный договор. В таком случае, стороны в обязательном порядке должны

применить электронные подписи как техническое средство подтверждения их волеизъявления в электронной форме;

- способом обмена электронными документами. В данном случае может быть использована электронная подпись, либо простые не «подписанные» электронные образы документов.

Закон не указывает для таких случаев какие-либо особые требования, однако специальным законодательством может быть установлен и другой порядок. В таком случае, содержание электронных документов должно отображать оферту и ее акцепт. В отдельных случаях, допускается совершение действий, направленных на выполнение условий, предложенных в оферте, что будет свидетельствовать о заключении договора;

- способ обмена письмами или иными сообщениями в электронной форме, в т.ч. в сети «Интернет». Отметим, что такой способ заключения электронного договора представляет для контрагентов наибольшие риски юридического характера и вытекающие из них риски имущественных потерь в виду слабых гарантий доказывания различных обстоятельств возникающих правоотношений;
- способом обмена иными данными посредством использования электронных или иных технических средств, которые позволят полноценно воспроизвести на материальном носителе содержание условий договора при условии, если такой способ заключения договора позволяет достоверно определить лицо, выразившее волю на заключение договора. Отметим, что данный способ заключения договоров является попыткой отечественного законодателя внедрить одни из наиболее передовых достижений технического прогресса, позволяющих автоматизировать процесс заключения и исполнения договора (технологии «блокчейн» и иные подобные автоматизированные системы).

6. В результате проведенного исследования требований, предъявляемых к заключению электронных договоров, обоснован вывод о том, что электронный договор представляет собой в значительной степени специфический способ внешней объективизации договора, что позволяет выделить его в отдельную разновидность письменной формы договора. Специфичность электронного договора и его новизна для практики делового оборота, что порождает дискуссию относительно его правового режима, как представляется, обуславливают необходимость отдельного законодательного уточнения того, что общие положения о письменных договорах распространяются и на электронные договоры, кроме случаев наличия специального правового регулирования. В связи с этим, предлагается уточнить ч.2 ст.434 ГК РФ добавив в него абзац следующего содержания:

«На договоры, заключаемые в электронной форме (электронные договоры), распространяются правила настоящего Кодекса, регулирующие заключение договоров в простой письменной форме в той мере, в которой это не противоречит существу таких договоров и за исключениями, установленными законом».

Предлагаемая формулировка, с одной стороны, позволит устранить вышеобозначенные сомнения однозначно определив правовой режим электронных договоров (по принципу объединения общего и специального правового регулирования), с другой стороны – в процессе осуществления правосудия, суды в отдельных случаях получат возможность не применять те правила, касающиеся простых письменных договоров, которые противоречат существу электронной формы договора и возникающих при этом правоотношений. Это правило должно придать гибкость правовому регулированию электронных договоров, в т.ч. требованиям к их форме.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Антрушина Д.А. Проблемы категориального аппарата электронного документооборота в гражданских правоотношениях // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 515-516.
2. Апелляционное определение Московского областного суда от 20.01.2016 по делу № 33-1675/2016 // URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 14.01.2022).
3. Боровик В.С., Зенин М.М., Гатчин Ю.А., Югансон А.Н. К вопросу о безопасности смарт-контрактов // Вестник Чувашского университета. 2018. № 1. С. 79-87.
4. Будылин С.Л. Заключение договора путем обмена скан-копиями, или Дело о сосновом срубе. Комментарий к определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 19.09.2017 № 78-КГ17-56 // ИПК «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77599929/paragraph/1:0> (дата обращения: 04.03.2022)
5. Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления (Теоретические вопросы). М.: Юрид. лит. 1978. 421 с.
6. Введение в смарт-контракты. Их потенциальные и реальные ограничения // URL: <https://habr.com/company/mixbytes/blog/416881/> (дата обращения: 15.01.2022)
7. «Газпром нефть» и S7 Airlines переводят авиазаpravку на технологию блокчейн // URL: <https://ria.ru/economy/20180824/1527188541.html> (дата обращения: 15.01.2022).
8. Ефимова Л.Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки // Lex Russica. 2019. № 8. С. 129-137.
9. Ефимова Л.Г. Правовые особенности электронной формы банковских сделок // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 1 (29). С. 22-41.

10. Заключение «Анализ уровня развития электронной коммерции в сфере внешнеэкономической деятельности в государствах-членах Евразийского экономического союза» //

URL:http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/edinoe_okno/5.pdf

(дата обращения: 14.01.2022)

11. Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. IV / Иоффе О.С.; Отв. ред.: Елисеев И.В., Козлихин И.Ю. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2010. 565 с.

12. Карпычев В.Ю., Карпычев М.В. Смарт-контракт: перспективы роботизации договорного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 104-109.

13. Красавчиков О.А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // Гражданско-правовой договор и его функции. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1980. С. 87.

14. Кулик Т.Ю. Правовое регулирование договоров, заключаемых в электронной форме. М.: Юрлитинформ, 2008. 124 с.

15. Коровкина У. Быстрее, значительнее, сильнее! Или юридическая значимость электронных документов // URL: <https://ecmjoumaLra/docs/Bystree-znacBitelnee-silnee-III-juridicheskaja-znacBImost-eBlektronnykh-dokumentov.aspx>(дата обращения: 14.01.2022).

16. Кардонов А.В. Сферы применения смарт-контрактов и риски при работе с ними // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 1 (9). С. 44-47.

17. Козинец Н.В. Особенности правового регулирования трансграничной электронной торговли: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Козинец Никита Владимирович; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. - Москва, 2017. 209 с.

18. Кассационное определение СК по административным делам Верховного Суда РФ от 18 февраля 2020 г. № 41-КА19-15 // ИПК «Гарант».

URL: <https://internet.garant.ru/#/document/73676997/paragraph/1:0> (дата обращения: 04.03.2022)

19. Новиков Р.В. К вопросу о понятии и сфере применения смарт-контрактов // Пермский юридический альманах. 2019. №2. С. 431-440.

20. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (в ред. согл. ФЗ от 29 ноября 2021 г. № 383-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. № 31. 03.08.1998. ст. 3824.

21. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 7.0.8-2013 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» // URL: <https://base.garant.ru/70650732/> (дата обращения: 14.01.2022).

22. Оракулы, или почему смарт-контракты все еще не изменили мир? // URL: <https://habr.com/company/solarsecurity/blog/418791/> (дата обращения: 15.01.2022)

23. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (в ред. от 26.03.2022) // Российская газета. 13.03.1993.

24. Обзор Судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 3.

25. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 июня 2014 г. № 41-КГ14-3 // ИПК «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70695346/paragraph/1:0> (дата обращения: 04.03.2022)

26. Определение ВС РФ от 1 октября 2018 г. по делу № А40-137649/2016 // ИПК «Гарант». URL: Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 1 октября 2018 г. N 305-ЭС18-... | Система ГАРАНТ (garant.ru) (дата обращения: 04.03.2022)

27. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды

Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. 2018. № 4.

28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

29. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.02.2017 № Ф07-455/2017 по делу № А56-95953/2015 //URL:: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=189071#020957379133259124> (дата обращения: 14.01.2022).

30. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 21 января 2010 г. № Ф10-5994/09 по делу № А14-3050/2009/122/15. /URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/33668901/> (дата обращения: 14.01.2022).

31. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 17 мая 2013 г. № Ф05-3105/13 по делу № А40-102005/2012 // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41599525/> (дата обращения: 14.01.2022).

32. Постановление Арбитражного суда ДО от 02.03.2016 № Ф03-261/2016 // URL: <https://base.garant.ru/37164237/> (дата обращения: 14.01.2022).

33. Постановление Арбитражного суда МО от 23.04.2015 № Ф05-4229/2015. // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=221403#06474286691049134> (дата обращения: 14.01.2022).

34. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.11.2013 № 18002/12 / /URL: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_50541280-07f7-48b2-b0c0-8d561b047348 (дата обращения: 14.01.2022).

35. Постановление Арбитражного суда МО от 16.03.2015 № Ф05-1388/2015 // URL: <https://base.garant.ru/41180201/> (дата обращения: 14.01.2022).

36. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень ВС РФ. 2019. 3 2.

37. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 21.04.2014 № Ф03-1251/2014 // ИПК «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/37145240/paragraph/1:0> (дата обращения: 04.03.2022)

38. Постановление ФАС Дальневосточного округа в постановлении от 21.07.2015 по делу № А51-21709/2014// ИПК «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/37145240/paragraph/1:0> (дата обращения: 04.03.2022)

39. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 июля 2015 г. № Ф03-2744/15 // ИПК «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/37157017/paragraph/1:0> (дата обращения: 04.03.2022)

40. Перечень поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899> (дата обращения: 15.01.2022г.)

41. Проект Федерального закона N 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.03.2018г.) // СПС Консультант Плюс.

42. Проект Федерального закона N 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018) // СПС Консультант Плюс.

43. Рассолов И.М. Информационное право: учебник для магистров / И. М. Рассолов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2013. 256 с.
44. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» // URL: [//www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 15.01.2022).
45. Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19 апреля 2019 г. по делу № А56-130160/2018 // ИПК «Гарант». URL: [Ohttp://arbitr.garant.ru/#/document/95497124/paragraph/1:0](http://arbitr.garant.ru/#/document/95497124/paragraph/1:0) (дата обращения: 04.03.2022)
46. Сятчихин А.В. Смарт-контракт: возможности и условия реализации технологии на примере продажи недвижимости // Пермский юридический альманах. 2019. №2. С. 501-509.
47. Середа А.В. Правовое регулирование электронной торговли в России. URL: <http://www.fa.ru/science/studevents/mnsk/IV/92.pdf> (дата обращения: 14.01.2022)
48. Соцуро Л.В. Толкование договора судом / Соцуро Л.В. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. 177 с.
49. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32-60.
50. Сеницын С.А., Дьяконова М.О., Чурсина Т.О. Смарт-контракты в цифровой экономике: договорное регулирование и разрешение споров // Цифровое право (Digital Law Journal). 2021. № 4. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77165097/paragraph/1/doclist/905/> (дата обращения: 04.03.2022)
51. Смарт-контракты: взгляд юриста на жизнеспособность // URL: <https://bitnewstoday.ru/market/blockchain/smart-kontrakty-vzglyad-yurista-nazhiznesposobnost/> (дата обращения: 15.01.2022).

52. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. ФЗ от 30 декабря 2021г. № 441-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). ст. 3448.

53. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (в ред. ФЗ от 2 июля 2021 г. № 359-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 11.04.2011. № 15. ст. 2036.

54. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. ФЗ от 30 декабря 2021 г. № 476-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 08.04.2013. № 14. ст. 1652.

55. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

56. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

57. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 52 (часть I). Ст. 7798

58. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 018.

59. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 21 декабря 2021 № 430-ФЗ) // Собрании законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301

60. Шайдуллина В.К. К вопросу о правовом регулировании электронной торговли // БГЖ. 2019. № 1. С. 367-370

61. Шестакова Е.В. Договоры в электронной форме: правовые риски и судебная практика. – «Право Доступа», 2020 // ИПК «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77413804/paragraph/1/doclist/3163/> (дата обращения: 04.03.2022)

62. Шестакова Е.В. Частноправовые последствия действий в виде отправки (получения) электронных писем: переговоры по поводу заключения договора, юридически значимые сообщения и исполнение обязательства, фиксация доказательств и претензионная работа. – «Право Доступа», 2020 // ИПК «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77378527/paragraph/2033:0> (дата обращения: 04.03.2022)

63. Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 2 включая Курс гражданского права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2017. 378 с.

64. Шалайкин Р.Н., Бородаенко Н.В. К вопросу о правовой природе договора дистанционной купли-продажи товаров // StudNet. 2021. № . С. 1093-1099.

65. Янковая В.Ф. Понятия «электронный документ» и «архивный электронный документ» // Делопроизводство. 2019. № 3. С. 10-16.